

ГЛАВА 1

От оглушающего звона будильника я подскочила и больно ударилась головой о полку. Давно следовало ее снять, но вот руки никак не доходили. Чертыхаясь и потирая макушку, вышла в коридор и, пересчитывая всеми частями тела по очереди имеющиеся в доме углы, направилась в ванную. Из соседней спальни тут же выглянул мой сосед.

— Рэя! Твой будильник опять меня разбудил!

— Заведи себе отдельную квартиру, — посоветовала я и скрылась за дверью.

Утром я всегда ненавижу весь мир, поэтому ворчание скорее дань привычке, нежели настоящее желание избавиться от соседа. С Ключером мы познакомились пять лет назад, столкнувшись в дверях очередной риелторской конторы. Причина нашего знакомства и совместного проживания объяснялась невозможностью снять квартиру в одиночку. Благообразная девица с длинными косами и в темном платье (смею заметить, единственная моя одежда в то время) приходилась по вкусу большинству арендодателей, но денег мне это никак не прибавляло, а платить натурой я тем более отказывалась наотрез. С Ключером же выходила обратная ситуация, и имеется в виду не торговля телом. Деньги у него водились, вот только пришельцы с других планет в нашей империи в принципе не пользовались доверием, так еще и двухметровый крокодил с каменной кожей откровенно пугал и ставил под вопрос возможность сохранения сдаваемого имущества. Вот так мы и пригодились друг другу — договор подписывала я, а арендную плату вносил он.

За пять лет многое изменилось. Например, я обрезала косы, обзавелась внушительным гардеробом и стабильной заработной платой. К тому же жители нашего района к грозному на вид пришельцу с планеты ЛошТан-Ага уже попривыкли, так что ничего не мешало нам разъехаться. Но новую квартиру ни он, ни я не искали. У меня банально отсутствовало время на поиски, а Клюгеру явно было лень. Поэтому нам оставалось жить вместе, беззлобно переругиваясь по утрам.

Из ванной я вышла, закутавшись в полотенце и смотря на мир позитивнее. В целом начала склоняться к мысли, что есть в нем что-то положительное. Например, запах кофе. Клюгер с довольным выражением лица (которое я не могла понять, помня, что сейчас пять часов утра) крутился возле плиты, сооружая безразмерный бутерброд и попутно следя за варящимся в турке кофе.

— Я чего-то не знаю? — уточнила я, присаживаясь на стул в углу. Кухня у нас была маленькая: плита на две конфорки, три узких шкафчика, небольшой стол и два стула прижимались к стене и оставляли лишь небольшой проход, как правило, всецело занимаемый Клюгером. Иногда я благодарила Вселенную за то, что у него в отличие от обычных крокодилов отсутствует хвост, иначе нам бы пришлось выставить в коридор не только холодильник, но и большую часть и так немногочисленной мебели. Пожалуй, тогда бы в кухне возможно было оставить только стул.

— Еще бы, тебя же постоянно нет дома... О нет, он все-таки убежал! — Клюгер с досадой перелил горячий напиток в чашку и поставил передо мной. — Сегодня я иду на собеседование.

— Я уже в предвкушении, — хмыкнула я.

Правительство на протяжении пяти лет безуспешно пытается пристроить Клюгера на работу как инопланетного пришельца. Из миграционной службы ему раз в неделю стабильно звонят с вопросами о трудоустройстве и угрозами депортации из империи. И вот для того, чтобы успокоить настырных тетенок с противными голосами и букетом не-

вровов (эй, это мнение Клюгера, сама я этих тетенок ни разу не встречала), он регулярно договаривается с фирмами о собеседовании, благополучно их проваливает и продолжает бездельничать дальше, зарабатывая на каких-то сайтах. Надеюсь, что сайты эти незапрещенные, иначе хорошим же правоохранителем я предстану перед своим начальством в случае, если все выяснится.

Но одними разговорами Клюгер не ограничивается. Особый трепет у него вызывает написание жалоб на дискриминацию инопланетных существ, которые он направляет в ту же самую миграционную службу, таким специфическим образом мстя тетенькам за собственное беспокойство и выбивая себе внушительные компенсации.

— Ты не представляешь, в каком предвкушении я, — признался Клюгер и, уstraиваясь напротив меня за столом, одним движением забросил необъятный бутерброд в рот. Прожевав, сосед продолжил: — В этот раз я предстану перед ними отчаявшимся беженцем, до смерти желающим получить эту должность. И твой будильник пришелся как раз кстати — в шесть часов утра я от нетерпения выломаю им входную дверь.

— Не перестарайся. — Я расхохоталась, представив лица охраны, когда Клюгер, скромно улыбаясь во всю свою крокодилью пасть, содержащую около семидесяти зубов, вломится в их офис. — Надеюсь, меня не вызовут на твое задержание.

— Думаю, после такого демарша миграционка от меня надолго отстанет. — Клюгер перегнулся через стол, выхватил у меня чашку с остатками кофе и быстро опустошил ее. — Надо делиться.

— По-моему, ты и так слишком уж бодрый.

— Для моей сегодняшней роли бодрость должна прямо-таки зашкаливать. — Сосед вдруг посерьезнел. — Не понимаю, как ты можешь вставать так рано каждый день? Ты должна сказать своему начальству, что это ущемляет права! Твой график — это же форменное издевательство! Вот поэ-

тому я и не желаю работать официально — из-за невозможности приходить на работу хотя бы к десяти часам.

— Чьи?

— Что чьи?

— Я спрашиваю: чьи права ущемляются?

— Да, черт возьми, например, мои!

— Только если так. — Я встала со стула и протиснулась мимо Клюгера, занимающего до ужаса много места. — Советую обратиться в Межгалактический суд по защите прав существ с иных планет. По-моему, это как раз в их компетенции.

— Думаешь, подействует? — Как ни странно, к моему предложению сосед отнесся вполне серьезно.

Стараясь не смеяться, я утвердительно покачала головой:

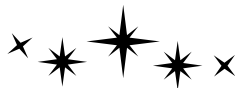
— Смотри не опоздай на собеседование.

Когда я, уже облачившись в черную форму Службы имперской безопасности, заглянула в кухню, Клюгер, высунув от усердия язык, вычерчивал что-то на криво оторванном листе бумаги. Черновики своих жалоб сосед писал исключительно от руки и затем подшивал в отдельную папочку.

На планете Фрибрин, главной планете Ригарийской империи, занималось весеннее утро. Серое, неприятное, но уже пахнущее той самой настоящей весной, которая будоражит молодые сердца, заставляя совершать необдуманные поступки. Той самой весной, пробуждающей в пришельцах из Идельской галактики первобытные инстинкты и превращающей их в жестоких насильников и убийц. Той самой, которая напоминает о детстве и заставляет мыслями возвращаться к путешествиям по лужам и стрельбе из деревяшек.

Радостные воспоминания из детства у меня отсутствовали, а со своими инстинктами удавалось справляться без особых проблем, поэтому, с грустью подумав о том, что работы теперь прибавится, я поплелась к мотоциклу.

Пришельцы из Идельской галактики были головной болью для всех ригарийцев, а не только для правоохранителей. Высокие, мускулистые, покрытые жесткой щетиной,

весной они вели себя как настоящие звери, исполняя только свои низменные желания: жрать, убивать и драться. На их планетах такое поведение было нормой — акт размножения происходил именно в это время года, но жертв обычно мало успокаивал тот факт, что их избрали в качестве инкубатора.

Я подошла к железному другу и удовлетворенно хмыкнула: вокруг была разбрызгана краска, а это значит, малолетние умельцы, покатавшиеся уже не на одном автомобиле нашего района, наконец-то потерпели фиаско. А если учесть, что по совету нашего технолога-разработчика в краску был добавлен сок фижевого цветка, действующего как сыворотка правды, то, чувствую, вредные подростки не скоро еще смогут развлечься подобным образом, ведь и на мотоциклы, и на сиденье автомобиля нужно садиться, а горящие от порки задницы этого не позволят.

Если бы у меня имелось больше свободного времени, можно было бы вычислить угонщиков и, взяв с собой Ключера, сделать небольшое внушение. Но чего нет, того нет, придется уповать на гражданскую ответственность матерей.

В такую рань машин на дорогах почти не было, да и те, которые все-таки встречались, управлялись автопомощником, позволяя своим хозяевам счастливо досыпать жизненно необходимые минуты. На мотоцикл такого помощника установить было нельзя, но владельцам автомобилей я нисколько не завидовала — ничто не радовало меня так, как ощущение под ногами ревущего, не до конца подчиняющегося мне металла. Меня никогда не прельщала роль пассажира, а управляй мотоциклом и вовсе искусственный интеллект, я бы, наверное, перешла на ролики.

Стоянка перед отделением СИБ¹ была наполовину занята — в основном автомобили принадлежали сотрудникам, еще не ушедшим с ночной смены. Я припарковалась и, сняв шлем, взглянула на часы. До начала рабочего дня оставалось пять минут, и опоздавшим вряд ли бы кто-то позавидовал. Ровно в шесть часов утра, и ни минутой позже, на

¹ Служба имперской безопасности.

свой пост у двери заступала Тритри Гайдина — тучная дама неопределенного возраста с тугими колечками кудряшек и пронзительным голосом. У нее были вечно покрасневшие глаза, подозреваю, от бессонницы, вызванной тяжелыми думами, как бы кого подставить, и покрытые сыпью щеки из-за круглогодичного злоупотребления клубникой.

Гайдину не любили. Не одному и даже не пятерым сотрудникам нашего отделения попортили жизнь ее писульки, облаченные в форму докладной записки, на столе капитана.

Я проскользнула мимо злобной вахтерши, с надеждой выглядывавшей из-за своего стола, и с намеком постучала по часам, демонстрируя, что не опоздала. Гайдина вздернула нос и недовольно отвернулась.

— Рэ́йя, — окликнул меня стажер. Работал он у нас два дня, и имя его я еще не запомнила. Вполне возможно, что через неделю, после очередной облавы на гренадов, он с воплями покинет наш отдел и никогда больше не вернется, а если так, то засорять свою память бесполезными именами не стоит. — Тебя вызывал капитан. И еще, — невысокий паренек с тонким носом и едва пробивающимися под ним усиками приблизился и доверительно сообщил: — У него кто-то из начальства.

Я лихорадочно соображала, где успела проштрафиться. Капитан Оррах, имевший в своем роду пришельцев с Анггарры, был крупным мужчиной с ярко-зелеными глазами, с сердцевидным, как у лягушки, зрачком, жабрами и чешуей на висках и шее. Громовой голос и привычка в разговоре сжимать и разжимать тяжелые кулаки отлично дополняли зловещую картину, и с непривычки капитана можно было серьезно испугаться. По правде сказать, именно поэтому большая часть стажеров отсеивалась уже на этапе собеседования.

Без особой нужды Оррах в своем кабинете никого не желал видеть, это и немудрено — в огороженной от общего зала комнате и без гостей было мало места. Так что измыслить причину, по которой меня вызвали, я не могла.

— Кто-то из начальства? — Эта мысль заставила меня еще больше волноваться. — Как ты это понял?

— Я в состоянии рассмотреть нашивки на форме, — обиделся стажер. — Двое мужчин, один из них точно майор, второй — не уверен, но, похоже, подполковник.

— Спасибо. — Находясь в крайнем беспокойстве, я прикусила ноготь на безымянном пальце. Глупая детская привычка, каждый раз возвращающаяся, когда я не в состоянии справиться со своими эмоциями.

— Тебя хотят уволить? — Стажер подобрался ближе, а я удивленно взглянула на него. — Чем ты их заинтересовала?

— А чем я могла их заинтересовать?

— Преступлением, — тут же отозвался стажер и кровожадно добавил: — Своим.

Я шагнула было к кабинету Орраха, но почему-то остановилась, вцепившись за возможность отсрочить неизбежное.

— Думаю, тогда бы за мной явились не майор под ручку с подполковником, а конвой.

— Смотря какое преступление. — Мысленно я поклялась никогда не выяснять имя этого стажера. По части сплетен паренек явно переплюнет вахтершу, а такие люди мне никогда не были интересны. — Терроризм, государственный переворот, шпионаж... А конвой может и за дверью подождать.

— Ты чересчур возбужден, — ядовито заметила я. — Смотри, подумают, что ты мой сообщник, и учти, я этого отрицать не буду.

Стажер так и замер с открытым ртом, как видно, огорошенный возможным обвинением в соучастии. Выбросив его из головы, я немного помялась перед дверью с криво висящей табличкой и, набрав в грудь побольше воздуха, постучала.

— Заходи, — рявкнул Оррах, и уже по одной его интонации я поняла, что дело плохо.

В маленьком кабинете, пропахшем сигарами и терпкими мужскими духами, царила мрачная атмосфера. За хлипким столом, не раз уже рушившимся от ударов тя-

желых ручищ, сидел капитан, а напротив него, стоя, потому как единственный стул в комнате предназначался для зада горячо любимого мною шефа, застыли двое мужчин. Я с испугом скользнула по ним взглядом и поняла: стажер не ошибся, нашивки на черной форме и впрямь принадлежали майору и подполковнику. Я даже не могла заподозрить, зачем понадобилась высокопоставленному начальству, и потому затосковала. Осторожно взглянув на Орраха, поняла, что капитан слишком занят изобретением нового способа убийства — расчленением одним только взглядом, и благо, что подопытным кроликом оказалась не я.

— Добрый день. — Мое приветствие осталось без ответа — незнакомые мужчины с каким-то подозрительным воодушевлением меня рассматривали.

— Познакомьтесь. — Уперевшись ладонями в стол, Оррах привстал, отчего в кабинете будто стало еще меньше места. — Старший сержант Рэйя Адальстан. Рэйя, это...

— Благодарю. — Высокий мужчина с тонкими чертами лица, густой шевелюрой, уже посеребренной сединой, и с нашивками майора шагнул вперед. — Рэйя, мое имя Роил, моего спутника зовут Ингирих, и нам необходимо с тобой пообщаться.

Я удивленно уставилась на нашивки. Либо мужчины считают, что я не в состоянии понять, насколько они выше меня по званию, либо они настолько демократичны, что привыкли к простому обращению. Скорее, первое. Что ж, с предвзятым отношением к женщинам, работающим в СИБ, я сталкивалась каждый день, поэтому просто натянуто улыбнулась.

— Оррах, — обратился к шефу с явно выраженным превосходством в голосе подполковник по имени Ингирих, — можешь нас ненадолго оставить?

Капитану это не понравилось. Он с минуту, не моргая, смотрел на подполковника и, нисколько не тушуясь того, что ниже по званию, пророкотал:

— Это мой кабинет. И мой сержант.

От злости жаберные крышки на шее Орраха приподнимались в такт дыханию, а чешуйки топорщились, будто перья. На меня это впечатления уже не производило, зато мужчины наблюдали за этим с легкой брезгливостью и недоумением.

— Сержанту Адальстан ничего не грозит, — поспешил заверить Роил, нисколько не успокоив ни меня, ни тем более капитана. — У нас нет к ней претензий.

— Еще бы. — Оррах криво усмехнулся. — Будь они у вас, вы бы прислали кого-нибудь попроще, а не зависали в моем кабинете. И к тому же все вопросы точно решали бы через меня. Нет, судя по вашему доброжелательному тону, вы намерены моего сержанта во что-то втянуть. Мне это не нравится, я против!

— Капитан! — Ингирих надменно вздернул верхнюю губу. — Не забываетесь. Мне самому не нравится лицезреть вашу малоприятную физиономию, но долг требует. Выйдите вон из кабинета или уже завтра подадите мне рапорт на стол.

Мгновение я была уверена, что Оррах его ударит. Даже если милovidный подполковник среднего возраста и владеет какой-нибудь техникой боя (в чем я лично очень сомневаюсь), увесистый кулак капитана явно лишил бы его надежды не только на победу, но и на ясность сознания. Но, как оказалось, в планы моего шефа драка не входила. Во всяком случае, пока. Капитан вышел из-за стола, заставляя нас прижаться к стене, чтобы освободить ему дорогу.

— Я уйду, вы правы — забываться не стоит. Но учтите. — Громadным, размером с добротную сардельку, пальцем Оррах помахал перед носом у Роила. Уверена, вздумай капитан нажать ему этим пальцем на нос, как на дверной звонок, выпуклостей на лице у майора стало бы гораздо меньше. — Если с моим сотрудником что-то случится, вы пожалеете.

— Ну, разумеется. — Мужчины почти синхронно насмешливо закатили глаза.

Оррах покинул кабинет, громко хлопнув дверью. Было слышно, как загрохотала, упав на плитку, табличка и как

капитан выругался. Неизвестно, в адрес кого направлены были ругательства — цветистые эпитеты, применяемые Оррахом, можно было отнести как к высокопоставленным гостям, так и к злополучной табличке.

Роил обогнул стол и, одной рукой подняв тяжелый железный стул (деревянные капитана не выдерживали), поставил его передо мной:

— Присаживайтесь.

Видимо, от нервов мое правое колено странно дрожало. Даже при задержании преступников я так не волновалась, а от дружелюбного тона майора меня даже затоснило.

— Благодарю, — как можно безмятежнее ответила я. — Не стоило беспокоиться, я постою.

— Как знаете. — Роил отодвинул стул к стене. Железные ножки с противным скрежетом процарапали пол.

Ингирих приоткрыл тоненькую папочку, которую держал в руках, и абсолютно серьезно мне сказал:

— Итак, старший сержант Рэйя Адальстан, приступим.

Я перенесла вес с дрожащей ноги на пока еще неподвижную и кивнула. Папочка в руках подполковника очень смущала, надеюсь, бумажки в ней не написаны твердой рукой Гайдиной.

— Рэйя, что вы знаете об императорской семье?

Какое отношение имеет ко мне император и тем более его родственники? Я растерянно моргнула и пожалала плечами:

— Честно сказать, мои познания на эту тему ограничены имперским гимном. Слова об императоре и его семье там точно есть.

— Прискорбно. — Мужчины переглянулись. — Тогда вы не будете возражать против небольшого экскурса в историю?

Я не возражала даже против речи продолжительностью в час, лишь бы майор не заговаривал об увольнении. Даже не знаю, почему я вбила себе в голову именно этот вариант развития событий, наверное, так на меня повлияли непонятная агрессия Орраха и подозрительная папка.

— Я думаю, вы помните, что семья Ригарин воцарилась на престоле сто пятьдесят пять лет назад, объединив под своей властью две соседние планеты — Фрибрин и Ваоль, а также их спутники — Вассу, Рабиоль и Этельстат. Второй император империи Вилмар скончался десять лет назад, и регентом при малолетнем принце Максимилиане стал его дядя Виктор. Вы что-нибудь знаете о порядке вступления на престол?

Естественно, я ничего об этом не знала, что, впрочем, Роила ничуть не удивило. Ингирих отмалчивался, внимательно изучая содержимое папки. Майор подмигнул мне и продолжил:

— Виктор остается регентом на ригарийском престоле до того момента, как Максимилиану исполнится двадцать пять лет (что произошло две недели назад) и пока он не женится.

— И насколько я знаю, принц еще не женился, — решила я вставить реплику.

— Именно так, — развеселился Роил. — Вот видите, кое-что о принце вам все-таки известно.

Не сказать, что меня интересовал холостяцкий статус наследника престола, но наш делопроизводитель Марисса уже довольно долгое время является его ярой поклонницей. Неудивительно, что весь отдел в курсе того, что принц неженат и, кроме того, любит полных женщин слегка за тридцать, желательно с пирсингом по всему телу и черными жесткими усиками над верхней губой. Иначе чем объяснить странную уверенность Мариссы в ее скором бурном романе с наследником.

— Кое-что, — скромно улыбнулась я. — Прошу вас, продолжайте.

— Жениться наследник может, только выбрав невесту в ходе специальной процедуры своеобразного кастинга девушек, который можно назвать отбором. Его учредил первый император, и хотя традицией два прошедших отбора пока назвать сложно, для Максимилиана никто не станет делать исключения. Итак, настала пора пояснить вам, для

чего мы сюда явились. Признайтесь, этот вопрос вас очень интересует.

Я неопределенно мотнула головой и промолчала. Мое волнение уже достигло точки кипения: странное удушающее чувство мешало говорить и появилась настоящая потребность присесть.

— Мы просим вас поучаствовать в отборе, — оторвался наконец от своей папки Ингирих.

— Это шутка? — глупо засмеялась я, но осеклась, когда поняла, что мужчины абсолютно серьезны. — Но с какой стати? Я этого принца видела пару раз, и то по телевизору!

— Это неважно, — скривился Ингирих, недовольный моей вспышкой, но я уже не могла держать себя в руках.

— Не знаю, для кого это может быть неважным, может быть, для моральных уродов? Это, конечно, маловероятно, но что, если я смогу пройти в этот кастинг или же вообще выиграю в нем? Я не собираюсь становиться императрицей! Я старший сержант СИБ и собираюсь им оставаться... — Пришлось немного притормозить, задумавшись. — Нет, в будущем хотелось бы повышения, но не настолько!

— Мы гарантируем вам повышение, а также денежную компенсацию, — успел вставить реплику Роил. — Выслушайте нас!

Я присела на стул и помассировала виски:

— Слушаю.

— У нас есть подозрение, что на наследника готовится покушение. Кто, а главное, когда его осуществит, — неизвестно, но скорее всего в убийстве заинтересован кто-то из приближенных лиц.

— Кто-то, кому выгодно полноправное воцарение на престоле Виктора? Возможно, даже он сам? — уточнила я.

Ингирих недовольно посмотрел на меня и сквозь зубы сказал:

— Для того чтобы возвести это предположение в ранг утверждений, нам нужны доказательства. Но нашим сотрудникам закрыт вход во дворец.

— Ага, и вы хотите, чтобы я их отыскала? — у меня даже голос сел от возмущения. — Разве защита наследника не входит в обязанности личной императорской охраны? Обратитесь со своими данными к ним!

— Убийство наследника — это не просто смерть гражданина Ригарийской империи. Это преступление против безопасности государства! О какой компетенции личной охраны может идти речь?

— Ну тогда просто официально проведите расследование, пользуясь содействием императорской охраны. Зачем внедрять своего шпиона? Раз уж выясняется, что у вас есть повод посетить дворец, то почему бы им не воспользоваться?

Ингирих раздраженно закатил глаза:

— Рэйя, вам же было сказано, что в заговорщиках люди, приближенные к принцу. Почему бы среди них не быть начальнику охраны? Особенно если вспомнить, что за последние полгода штат сотрудников этого ведомства уменьшили вдвое. Пока мы будем вежливо допрашивать персонал, принца убьют.

— Я об этом не знала, поэтому вспомнить не могу, — огрызнулась я. — Хорошо, раз охрана отпадает, так, может быть, доказательствами лучше заняться тому, кто доложил вам о готовящемся покушении?

Мужчины переглянулись. Казалось, между ними происходит безмолвный диалог.

— Информатор погиб, — наконец признался Ингирих. — При странных обстоятельствах.

Я вдруг резко захотела домой.

— Мне кажется, я не справлюсь, — сглотнув, криво улыбнулась я. — Почему бы вам не обратиться к... да хотя бы к Мариссе? Вы только намекните ей, что этому Максимилиану опасность грозит, и будут вам и доказательства, и трупы преступников.

— Не переживайте, — постарался утешить меня Роил. — Мы поможем вам пройти этап собеседования. Во дворце, конечно, придется немного постараться, но де-

вушке с вашей внешностью и знаниями не составит труда продержаться хотя бы пару этапов. Во всяком случае, пока не обнаружатся хотя бы минимальные доказательства.

— Знания? — удивленно моргнула я, а в груди заняло от неприятных предчувствий.

— Может быть, я не совсем правильно выразился. — Ингирих ухмыльнулся. — Вы отчего-то забыли указать некоторые подробности своего образования, но не учли того, что при приеме на работу в СИБ кандидаты очень тщательно проверяются, — подполковник опустил глаза в папку. — Вы, сержант Адальстан, в совершенстве владеете языком ваольцев, играете на фортепиано, арфе и скрипке, долгое время серьезно занимались танцами, вокалом и брали уроки риторики. Вряд ли мы найдем кандидатуру, хотя бы вполовину подходящую для отбора так, как вы.

— И на флейте, — вздохнув, с тоской в голосе добавила я.

— Что?

— Еще я играю на флейте.

В памяти моей мелькнуло нахмуренное лицо матери, ее сурово поджатые губы и плеть в тонких пальцах. По ушам, резанув суровыми нотками, пронеслись ее слова: «Рэяй, флейта — это неинтеллигентно. Брось эту мерзость».

Я крепко зажмурилась и, громко напугав, по-моему, Ингириха, но, по сути, разговаривая не с ним и даже не с Роилом, а со своими воспоминаниями, опять повторила:

— Да! Я умею играть на флейте!

— Что ж, — Ингирих кашлянул в кулак, — тем более! Вы точно опередите всех кандидаток. И не сомневайтесь — в любой момент вы сможете выйти из отбора, разумеется, если выполните свою задачу.

— А если мне будет грозить опасность?

Мужчины потупили глаза, и это было красноречивее любых слов.

— Не беспокойтесь. — Роил наклонился и обнял меня за плечи. — Сыграйте роль глупой восторженной девушки — вы, кажется, еще и на курсы театрального мастер-

ства ходили? Для вас будут открыты любые двери дворца, вряд ли, конечно, при вас будут обсуждать преступные планы, но обо всех случайных встречах и странных разговорах немедленно докладывайте нам. Мы сможем сложить из маленьких кусочков полный по информации пазл, и вы будете свободны. Отпуск, некая денежная сумма и повышения вам гарантированы. Считайте это своим спецзаданием.

Я с сомнением покачала головой:

— Вряд ли вы сможете это спецзадание оформить документально, так что мой отказ ничего за собой не повлечет. Я права?

— Возможно. — Ингирих опять открыл папку, а я с трудом подавила стойкое желание выхватить ее и сжечь. — А возможно, соответствующая дисциплинарная комиссия обратит внимание на несоответствие вашего, так сказать, специфического образования занимаемой должности. Очень редко работники СИБ имеют специальность «Инструментальное исполнительство». Да что там! Вообще никогда! И к тому же той же дисциплинарной комиссии следует озаботиться вопросом, как капитан Орах принял вас на работу и не повлиял ли он на результаты проверок профпригодности.

Ах ты ж жук! Орах и впрямь не имел права принимать меня на работу без обучения в Высшей школе безопасности, и он действительно надавил на некоторых членов кадровой службы. Мы встретились с капитаном в самый сложный момент моей жизни — я как раз сбежала от родителей и для того, чтобы скрыться от их тотального контроля, нуждалась в смене профессии. Останься я музыкантом, и мама, будучи заслуженной артисткой Ригарийской империи, вновь протянула бы свою излюбленную плеть в мою жизнь. Я не знаю, почему Орах помог мне тогда, по сути, помогает и сейчас, но подставить его не имела права. Пришлось сладко улыбнуться и, встав, протянуть руку для рукопожатия.

— Я и не собиралась отказываться от такого заманчивого предложения. Так, просто поинтересовалась о вариантах развития событий. Когда можно будет подать анкету?

Отпустили меня не сразу. Около часа снабжали бездной различных инструкций, принялись подсказывать, как мне стоит отвечать на собеседовании, отчего я заподозрила, что помогать мне проходить этот этап не собираются. Все это я перенесла со стоическим терпением. И когда, наконец подписав бумаги о неразглашении, покинула кабинет, обнаружила почти весь наш отдел в нетерпении стоящим у дверей. Оррах стоял в толпе, возвышаясь над мелкими на его фоне подчиненными, а впереди всех, подозреваю, из-за любопытства пропустившая всех опоздавших, крутилась Гайдина.

— Ну что? — свистящим шепотом произнесла она, озвучивая вопрос всех сотрудников. — Уволили?

— Нет. — Я гордо подбоченилась, судорожно придумывая, что сказать. — По распоряжению руководства теперь в нашем отделе будут... я буду проводить уроки музыкального искусства. Всем известно, что музыка успокаивает, а с нашей нервной работой...

Толпа недовольно загудела. Сотрудников СИБ часто заставляли ходить на семинары, посвященные экономному расходованию патронов (даже был составлен график стрельбы), проводили тренинги по ласковому задержанию насильников (подозреваю, придумал его латентный маньяк), читали лекции о хрупкости внутреннего мира космических преступников и о необходимости душевного участия при применении мер процессуального принуждения. В общем, никого факт внедрения уроков музыки не удивил, но и, чего и следовало ожидать, не обрадовал. Гайдина во мне явно разочаровалась, окинула всех зорким взглядом и тыкнула в одного из сисадминов пальцем:

— По-моему, ты опоздал!

— Нет-нет, — оправдывался бледный и взъерошенный паренек. — Я пришел до шести, вы просто запамятовали.

Работники скоренько разбрелись, не успев выпытать у меня подробности. Тех, кто пришел вовремя и мог не страшиться внимания вахтерши, среди любопытствующих не оказалось. Только лишь Оррах недоверчиво посмотрел

на меня и хмыкнул, проходя мимо, но вопросы, по-видимому, решил задать начальству, все еще занимавшему его кабинет.

Отработать смену оказалось нелегким делом. Мысли мои вертелись вокруг предстоящего собеседования, а о цели его я предпочитала даже не думать. Все больше и больше понимала, что было ошибкой назначать меня на столь ответственное задание, но вариантов избежать его не видела. Хорошо хоть преступники в этот день словно взяли выходной, и коллеги, заметив мое подавленное состояние, со всеми немногочисленными происшествиями справлялись без моего участия.

С трудом дождалась момента, когда можно будет сбегать домой, и на дороге вопреки обыкновению не вела себя прилично — хотелось гнать, выжимая из мотоцикла все, что в его внутренности заложили изготовители. Как я не разбилась в тот день, ума не приложу. Наверное, Вселенной было угодно, чтобы я все-таки попала на этот кастинг невест, другого объяснения такой необычайной везучести просто не существует.

С грохотом захлопнув за собой дверь квартиры, прислонилась затылком к косяку и постаралась успокоиться, как вдруг услышала из кухни странный звук — непонятное и совершенно неопознанное мяуканье.

— Не поняла! — громко и очень воинственно произнесла я и, даже не разувшись, отправилась на поиски источника звука. В принципе я не против животных, но заводить кого-либо без моего ведома сосед не имел права. Пылая праведным гневом, зашла на кухню и вместо кота либо же другой инопланетной зверушки обнаружила рыдающего Ключера.

Огромные капли стекали по каменным складкам, огибая длинное вытянутое... назвать это носом язык не поворачивается. Сопли лились на рубашку, опережая слезы. Я в первый раз видела, чтобы Ключер плакал, и, честно сказать, не хотела бы видеть вовсе.

— Что случилось?! Тебя депортируют?! Ключер!

— Не-е-ет, — протянул сосед, высморкавшись в полотенце. Я решила не обращать на это внимания, все ж таки такой животрепещущий момент.

— А что тогда?! Штраф? Или что? Да не молчи ж ты!

— Меня на работу взяли, — всхлипывая, пробасил этот двухметровый крокодил. — Этот гад! Он мне жизнь испортил!

С трудом успокоив соседа, я смогла выяснить следующее. Как и намеревался, сосед в шесть утра явился к дверям офиса, пригласившего его на собеседование. Как и намеревался, выломал им двери, а когда спешно прибыл вызванный охраной работодатель, рассказал ему заготовленную речь об огромном желании работать. Ключегеру просто не повезло. Владельцем офиса оказался пришелец с какой-то далекой планеты (длинное название которой мой сосед был не в состоянии запомнить), и в его инопланетной памяти все еще осталось воспоминание, как тяжело ему пришлось в Ригарийской империи вначале, а потому напускной энтузиазм Ключегера он принял за искренний. С завтрашнего дня мой сосед начинал работать. И угадайте кем? Курьером. Не знаю, кому больше не повезло — Ключегеру, отзывчивому работодателю либо же его клиентам. Не позавидуешь бедным старушкам, не привыкшим к путешественникам с иных планет, когда в глазок они увидят этакую морду.

— Эх, — грустно заметил Ключегер, когда поток слез иссяк. — Надо было по старинке — разгильдяя играть. Творческая жилка меня сгубила.

Ночь выдалась мучительно долгой. За стеной, сетуя на свою горькую судьбу, всхлипывал Клюгер. Попытки пристыдить его и убедить в том, что ничего страшного не случилось, успехом не увенчались. Прибавим к шуму из-за стены собственные тягостные думы и страх перед участием в такой непредсказуемой и непродуманной операции, и со сном мы тепло попрощались.

Роил и Ингирих знали, на что давить, убеждая меня в необходимости участия в отборе. Уверена, они и с родителями встретились, дабы выяснить мои слабые стороны и степень неприятия бывшей профессии. Если бы я с легкостью могла вернуться к прошлому, угроза моего увольнения могла не сработать, вот только возвращаться я не собиралась.

Моя мать — заслуженная артистка Ригарийской империи. Долгое время она порхала по сцене, любимая мужчинами, любимая народом. Ее знали на многие галактики вокруг, на спектакли с ее участием раскупались билеты за год вперед, поклонники дарили дома, квартиры, автомобили... В общем, моя мать не сходила с вершины славы, пока... пока не родилась я. Чтобы никто не мог обвинить ее в неразборчивости связей, матери пришлось выйти замуж за одного из почитателей своего таланта. Она надеялась в будущем, сбросив ненужного ей ребенка на мужа, продолжить карьеру, но судьба распорядилась иначе.

Выбирая мужа по принципу «лишь бы согласился взять пузатую», мама не учла того факта, что поклонник женился, исходя из принципа «лишь бы богатая». Сразу после свадьбы он принялся люто проматывать теперь уже общие деньги, зачастую проигрывая их еще до того, как они ока-

зывались в карманах. Избавиться от мужа не получалось, нанять няню тоже не представлялось возможным из-за долгов, поэтому в творчестве мамы случился вполне закономерный застой.

Через год, когда дела немного пришли в норму, мама попробовала вернуться на сцену, но там ее уже никто не ждал. Нет, на небольшие роли ее приглашали, например, она с блеском играла престарелых горничных, но привыкшей к всеобщему обожанию женщине этого было мало. К тому же в личной жизни по-прежнему не везло — раскayавшийся муж вернулся в лоно семьи, но любви между родителями не было, они будто бы соседствовали в своем несчастье.

Стремясь отомстить жестокой судьбе, сбросившей ее с пьедестала, мама обратила свой взор на меня. С трех лет у меня были репетиторы, тренеры, учителя. Я одновременно изучала три языка, моей дикцией занимались лучшие логопеды империи (удивительно, но поиздержавшиеся родители на все это находили деньги), мать лично обучала меня игре на фортепиано и скрипке, каждый неправильный аккорд сопровождая ударом плети. Благо, что финансы не позволяли перевести меня на домашнее обучение и я не была лишена общения со сверстниками, хотя амбиции родительницы простирались и на это. В каждом новом занятии, будь то арфа, актерское мастерство либо же легкая атлетика, я видела желание матери доказать всей империи, что у нее все хорошо, а дочь, которую она люто ненавидит и унижает при каждом удобном случае, самая лучшая. Многочисленным знакомым на вопросы, чем она занимается в свободное время (люди просто не могли не напомнить о том, что времени у маменьки катастрофически много), она с придыханием отвечала: «Ни секунды свободной. Рэяя хочет все успеть, а я просто помогаю ей достичь желаемого». В такие моменты я улыбалась, безмолвно крича: «Поменьше внимания! Дайте мне хотя бы вздохнуть свободно!»

В моей жизни регламентировано было абсолютно все: что надевать, с кем дружить, на кого смотреть, какое произ-

ведение исполнять, куда поступать... Не стоит и говорить, что от парней меня старательно ограждали, боясь повторения судьбы матери. Не знаю, на что она надеялась, но в тот же день, как получила документ о совершеннолетию, я сбежала.

Сбежала, конечно, условно. Скорее — покинула отчий дом. Мама все время знала, где я нахожусь, — не зря в ее любовниках ходили значительные люди империи, но пока я не обратилась к ней за помощью и вновь не попала в кабалу, то могла считать себя свободной. А у матери не исчезал повод называть меня неблагодарной дрянью. Представляю, как она будет довольна, когда узнает о моем участии в отборе. Полагаю, для нее это станет наилучшим выражением того, что так долго она пыталась в меня вложить.

Мой измученный волнениями и воспоминаниями организм уснул только под утро, победив сознание в неравной схватке. Стоит ли удивляться, что после пробуждения в зеркале отразилась бледная немочь с воспаленными глазами и помятым лицом. Спешащий на работу Клюгер кофе меня не порадовал, поэтому смотреть на мир с позитивом причин не было.

Простояв под холодным душем минут пятнадцать, я с грехом пополам проснулась, нанесла легкий макияж и долго провозилась в шкафу, выбирая, что надеть. Черная форма СИБ, почти ставшая для меня второй кожей, явно не подходила для кастинга невест, поэтому свой выбор я остановила на зеленом шерстяном платье с длинными рукавами и воротом — упростить Ингириху задачу и выглядеть соблазнительно не собиралась точно. Все ж таки мне было обещано содействие хотя бы на начальном этапе.

Ожидая такси, я поймала себя на мысли, что отчаянно волнуясь. В последний раз чувствовать себя настолько неуверенно мне пришлось на отчетном концерте музыкального колледжа. И так как ни колледж, ни ощущение липкого страха мне не нравились, я вздернула нос и всю дорогу до места назначения просидела с максимально выпрямленной спиной и стиснутыми от злого упрямства зубами. Еще

чего не хватало! Это простое задание, такое, как, например, розыск преступника, и нечего нервничать по поводу того, понравлюсь ли я кому-то или нет.

Собеседование проходило в центре города, в здании, называемом Обителью литературы, в котором обычно заседало Общество литераторов Ригарийской империи. Занималось оно по большей части критикой начинающих авторов и восхвалением трудов, написанных его членами, но по распоряжению регента Обществу пришлось уйти на вынужденные каникулы для того, чтобы ненадолго уступить свой кров для проведения первого этапа отбора невест для принца.

До места назначения было около получаса езды. Начиная свой путь с окраины, где располагались новые жилые кварталы. В этом районе всегда было чисто и уютно: мамочки всех рас прогуливались по дорожкам со своими чадами, среди которых попадались и крокодильчики (не удивлюсь, если Клюгер к их появлению приложил руку, и не только руку), карлики с планеты Ниршефтсхутта, нимфы из далекой галактики Межмирья... Деревья и кусты, семена которых завозили со всех дружественных планет, создавали ощущение нереальности окружения, и, даже проезжая по дороге, казалось, путешествуешь в чудесном саду. Именно в этом районе предлагали квартиры зажиточным приезжим, и именно этот район демонстрировали регенту, когда ему приходило в голову проверить, как расходуется бюджет.

Желая избежать пробок, я попросила автопомощника проехать через соседний район с пафосным названием Клайфсбет, или, как его называли коренные жители Ригарийской империи, Поганка. В Поганке проживали настоящие отбросы общества, те, чьи ноги не раз ступали по плитам сибовского центрального отделения, а задницы не раз сиживали на тюремных нарах. Несмотря на по-весеннему светлое утро, в этом районе, казалось, хмурится солнце — настолько он был засаленный, неопрятный и вместе с тем будто бы безучастный к своей неряшливости. Ветхие дома,

снести которые нужно было много лет назад, дорога в выбоинах и странные личности, провожающие мое такси мутными взглядами. Этот район старались спрятать от чужих взглядов, про него будто бы старались забыть и правительство, и сами люди, живущие в нем. Лишь работники СИБ регулярно посещали Поганку, да и то по службе или объезжая пробки, как и я сейчас.

Я почти не удивилась, когда на капот автомобиля упал булыжник размером с человеческую голову. Как видно, умудренные опытом жители Поганки давно выяснили, что обычный камень усиленное стекло такси не разобьет, и решили действовать другим путем, применяя снаряд побольше. Автопомощник, согласно своей программе, взглядел в камне преграду и машину остановил. Следовало выйти из автомобиля и убрать с капота смущающий робота камень, и я вздохнула, понимая, что на это и рассчитывают злоумышленники.

Не далее как позавчера я принимала жалобы от добропорядочных граждан, случайно заехавших на улицы Поганки и, как следствие, позднее писавших в отделении СИБ заявление, будучи одетыми в одни трусы. Это еще они на странно гуманных «поганцев» нарвались.

Я вышла из машины, и тут же передо мной вырос худощавый паренек с бегающими глазами навывкате и грязными руками, сложенными на груди. Странно, по показаниям потерпевших, в разбое принимали участие сплошь инопланетяне. Логика в этом была — без должной сноровки опознавать пришельца очень сложно. Но сейчас передо мной стоял, расхлябанно что-то пережевывая, чистокровный человек.

— Какая краля, — с издевкой протянул он, в улыбке обнажая гнилые зубы. — Познакомимся, а?

Я привалилась спиной к машине и, подражая пареньку, сложила руки на груди:

— А мы разве не знакомы, Чехор, а? Неделю назад очень тесно с тобой общались, — и, помолчав, добавила: — Припоминаешь, Варан Чехорандон?

Чехор застыл с приоткрытым ртом. Парня заметно удивил тот факт, что незнакомая девица не только знает его настоящее имя, а не кличку, так еще и не демонстрирует страха. Я видела, как отделяется от зубов и падает отслюнявленный комок травы. Брезгливо ткнула его носком туфельки и резюмировала:

— Неужели гармала? Чехор, так ты же мне клялся-божился, что дурь тебе подкинули!

В затуманенных глазах парня мелькнуло узнавание, и он так быстро прикрыл рот, что зубы клацнули.

— Сержант... э-э-э, а как вы тут? То есть можете гулять где хотите, но все же. — Чехор окинул взглядом мое платье и понятиливо кивнул: — Проездом, значит, не по работе.

— Думала покататься, а, оказывается, служба и на час не прекращается, — усмехнулась я. — Ну что, угрожать оружием, деньги забирать будешь? Так же вы, кажется, приезжих разводите? У меня заявлений на вашу шайку штук пять лежит.

— Да как можно. — Чехор развел чуть дрожащие руки в стороны (дрожат они из-за зависимости, а не по причине волнения). Я отлично понимала, что таким движением подельникам подавался какой-то условный знак, вот только знать бы какой. Осторожно повернула голову, но никого не обнаружила. — Я смотрю: злые дети камень на такси бросили, подошел убрать, а тут и вы зачем-то из машины выскочили, да сразу Чехорандон, да какие-то заявления... А наркоту мне и впрямь подкинули. И жевал я обычный подорожник, а за это не сажают.

— Подорожник? А если экспертизу провести?

— Вы ж не на службе, сержант. — Чехор грустно, как-то даже с сочувствием вздохнул. — Так что пока своих вызовете, пока криминалисты приедут, травинка-то полевая сгнить успеет. Неужели без протокола с земли соскребать будете? Так я не в ответе, кто там что набросал.

— Камень убрать хотел? — Я с трудом скрыла улыбку, удивляясь предприимчивости «поганца». Вызвать бы дежурный отряд, вот только мы оба знаем, что, кроме жева-

ния травы, ему ничего предъявить нельзя, а значит, сейчас не стоит разводиться суету. — Так убирай!

С услужливой улыбкой Чехор взял камень с капота и быстрым движением забросил его в кусты. Может быть, мне показалось, но послышался сдавленный стон.

Машина тут же зажужжала. Я холодно кивнула Чехору и села на заднее сиденье, но парень не дал мне закрыть дверь, придержал ее и наклонился вперед:

— Сержант Адальстан, я бы не советовал вам по нашему району разгуливать хоть в форме, хоть без нее.

— Угрожаешь? — без тени улыбки спросила я.

Чехор раздраженно постучал пальцами по стеклу.

— Я вас предупреждаю. Вы же недавно одного из пунитов задержали... имен не называю, думаю, сами понимаете, о ком идет речь. Его отпустили под залог, и он во всеулышание заявил о том, что вас найдет. Так что навстречу неприятностям стремиться не нужно.

Пуниты — холодные человекообразные с голубой, склизкой на ощупь кожей. И в самых лучших их представителях приятного мало, а в Плисе Хопсвуде, которого я недавно арестовала, и вовсе отсутствует хотя бы искра гуманности. Он насильник с открытым счетом погибших жертв. Долгое время пуниту удавалось ускользнуть от правосудия, но в конце концов мы поймали его на живца. Причем в роли жертвы выступила я. Так что мстительное желание Плиса закончить начатое я понимала, но по понятным причинам одобрить не могла.

— Что за приступ человеколюбия, Чехор?

— Это вас не касается, сержант. Специально бы не подошел, а тут, видишь, судьба подтолкнула. Ваше дело — верить мне или нет, но я свою совесть успокоил, хоть вы скорее всего и сомневаетесь в ее существовании.

— Под протокол подтвердишь?

Чехор медленно отпустил дверь и отсалютовал мне рукой:

— Хорошего пути, девушка. Не задерживайтесь допоздна — на улицах нынче неспокойно.